
Черный знак XX века — фашизм

От редакции. Россия, из-за горького опыта военных лет, долгое время считалась иммунизированной от фашизма в его "чистом" виде. Однако сейчас ситуация в стране меняется. В преддверии выборов быстро мобилизуются радикальные силы, а умеренная часть общества пребывает в растерянности или апатии. Крайности, как известно, сближаются. Правый и левый радикализм, опьяненные ненавистью к нынешним правящим элитам, в своей, пусть тактической, кооперации способны создать политический заряд такой поражающей мощи, взрыв которого столкнет наше общество с "настоящим" фашизмом. В его генетическом коде, как всегда, будут "записаны" притязания на исключительность — этнорасовую, идеологическую, имперско-государственную и т.д. — с тем, чтобы навязать свою модель "порядка" силой ли, экономическим или политическим шантажом всему ближнему и дальнему свету. Нельзя также забывать и о том, что кризис кризисом, но сейчас в России начались экономические процессы, которые объективно вызывают крупнейшие социальные, политические и культурные изменения, и среди них — радикализацию национального чувства, так что лозунги отечественного фашизма могут оказаться вполне приемлемыми для массового слуха. (В свое время политпрограмма Русской фашистской партии была резюмирована в лозунге "Бог, нация, труд".)

Редакция не претендует на то, чтобы в этой центральной для номера рубрике выявить родовые признаки фашизма во всем многообразии его традиционных и новых форм, в т.ч. отмеченных воинствующим национализмом. Однако 50-летие окончания Великой Отечественной и второй мировой войн побуждает нас обобщить их отдаленные во времени последствия, предложив к осмыслению материалы о некоторых тревожных тенденциях, указывающих на то, что уже сложились определенные обстоятельства, когда рядом с нами — в России, в новых независимых государствах, в других странах мира — вновь исподволь вызревают филофашистские политические движения. Похоже, что опять, как писал немецкий ученый К.Хейден, "из обломков отмерших классов встает новый класс интеллектуалов, и во главе его маршируют самые безжалостные, те, кому нечего терять и потому сильнейшие: вооруженная богема, которой война — мать родная и гражданская война — отчизна".

Для нас, редакции, юбилей Победы — это праздник-предупреждение.

О ФАШИЗМЕ — ЕГО СУЩНОСТИ, КОРНЯХ, ПРИЗНАКАХ И ФОРМАХ ПРОЯВЛЕНИЯ

А.А.Галкин

Существует точка зрения, согласно которой чрезмерное увлечение понятиями и определениями уводит в дебри абстракций, откуда нельзя проложить дороги к реалиям жизни. И в этом — немалая доля правды. Определение, заслуживающее своего названия, должно содержать емкое описание всей совокупности фактов, имеющих существенное значение для данного феномена. Если он сравнительно прост, то это, хотя и трудно, но возможно. А если — нет? Если объект описания — сложный, многогранный общественный процесс, протекающий в различных формах в разных странах? Если при подходе к нему с противоположных сторон выступают трудносо-

поставимые грани? Тогда любое определение неизбежно будет или настолько общим, что потеряет реальное значение, или крайне неполным, а следовательно, ущербным.

Вместе с тем без хотя бы примерного представления о качественных характеристиках объекта, позволяющего нарисовать в уме, пусть пунктирно, его очертания, невозможен никакой содержательный анализ. Отсюда — неизбежность обращения к рабочим гипотезам, не претендующим на исчерпывающее описание объекта, но в то же время открывающим подходы к решению исследовательских задач.

Сказанное выше призвано пояснить, почему автор, обращаясь к спорам о сущности фашизма, его корнях, признаках и формах проявления, идущим на протяжении многих десятилетий, предпочитает вести речь не о теориях, раскрывающих содержание рассматриваемого феномена, а о рабочих гипотезах, предлагаемых различными исследователями и не нашедших пока сколько-нибудь убедительного подтверждения.

Обобщая и, соответственно, упрощая, можно вычленить четыре типа таких гипотез.

Гипотезы, рассматривающие фашизм как социально-психологическое, политическое и идеологическое выражение интересов конкретных социальных групп. Почти все эти гипотезы расположены в поле марксистской традиции. Обычно, говоря о них, имеют в виду формулу, предложенную XIII пленумом Исполкома Коминтерна и утвержденную на его VII Конгрессе в 1935 г. Согласно ей, фашизм, как движение и режим, реализует интересы и устремления наиболее агрессивных фракций монополистического капитала. Данная формула действительно доминировала не только в советской, но и в западной левой литературе в течение многих десятилетий. Ныне ареал ее распространения сузился. Тем не менее она существует, хотя нередко в модифицированной форме.

Существовали, однако, и другие, менее известные гипотезы, относящиеся к этой традиции. В 20-е — 30-е годы в левых кругах стран Запада получили распространение представления о фашизме как выражении антикапиталистического бунта разоряющейся мелкой буржуазии (в одних случаях — городской, в других — сельской). Наряду с этим в работах известных марксистских теоретиков некоммунистической ориентации О.Бауэра и Х.Брандлера фашизм трактовался как специфическая форма бонапартизма, приход к власти которого может быть обусловлен особой ситуацией, когда относительное равновесие антагонистических классов создает возможность проведения таким режимом сравнительно независимой политики.

Все эти гипотезы отражали, описывали (а частично и объясняли) некоторые важные черты исследуемого объекта. В Германии, например, к концу 20-х годов сложился союз между ведущей фашистской партией страны — национал-социалистами, с одной стороны, и влиятельными финансовыми и промышленными группами — с другой. Их поддержка сыграла решающую роль в назначении главой правительства (канцлером) Германии вождя Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) — А.Гитлера. В свою очередь, в массовых фашистских организациях как Германии, так и ряда других стран были широко представлены средние слои, в том числе традиционные мелкие буржуа — владельцы небольших промышленных предприятий, торговцы, ремесленники и т.д. В пользу “бонапартистской” гипотезы говорило, в частности, то, что фашистские режимы в Германии и, частично, в Италии, придя к власти, вскоре приобрели заметную свободу маневра и стали все менее считаться с силами, приведшими их к власти.

И все же ни одна из гипотез, рассматривавших фашизм как выражение интересов тех или иных конкретных групп (либо специфического соотношения сил между ними), не получила столь весомого подтверждения, чтобы претендовать на статус научной теории. Да, крупные финансисты и промышленники Германии, столкнувшись с острой кризисной ситуацией в 1929-33 гг., проявили заинтересованность в передаче власти НСДАП. Однако в ряде других стран подобные связи либо не наблюдались, либо были столь незначительны, что не сыграли решающей роли. Фашистские к власти привели (или пытались привести) там другие социальные и политические силы. Да, в фашистских организациях было немало лавочников, ремесленников и мелких предпринимателей. Однако в этих организациях активно действовали и представители всех других слоев общества: рабочие и служащие,

чиновники и лица свободных профессий, офицеры, дворяне. И их было значительно больше, чем торговцев, владельцев предприятий в сфере услуг и им подобных. Да, политические институты в странах с фашистским режимом мало зависели от социальных групп, приведших их к власти. Однако это не всегда зависело от равновесия антагонистических сил, доминирующих в обществе. В ряде стран с фашистским режимом такого равновесия не было, а самостоятельность политической власти существовала.

Гипотезы, трактующие фашизм как проявление исторически обусловленного болезненного общественного сознания. Некоторые из таких гипотез примыкали к марксистской традиции. Другие были изначально чужды ей. Известный венгерский философ марксистской ориентации Д.Лукач, пытаясь осмыслить причины прихода фашистов к власти в Германии, не ограничился анализом социально-экономической стороны дела. Он еще в 30-е годы высказывал мысль, согласно которой фашизм — это вспышка болезни, являющаяся результатом длительного процесса идеологического отравления немецкого народа. Этому отравлению, по Лукачу, способствовала особая нравственная и духовная атмосфера, в которой разуму и моральным ценностям отводилась все меньшая роль.

В первые послевоенные десятилетия такая трактовка нашла заметное распространение, особенно в историко-политической литературе. И если у Лукача оценка фашизма как “болезни духа” имела вспомогательное значение, то у многих других авторов она приобрела самодовлеющий характер. Более того, рассмотрение фашизма в этой плоскости, будучи увязанным с выявлением исторических корней болезни духа, практически оборачивалось делением народов и государств на две различающиеся группы: устойчивых по отношению к фашизму и предрасположенных к нему. Поскольку речь тогда шла о Германии и Италии, а писали о фашизме главным образом английские и американские авторы, в работах такого рода явно проницательно проследилось своеобразное англосаксонское высокомерие.

Разумеется, историческая предрасположенность к авторитаристско-диктаторским формам правления, обусловленная ею повышенная податливость харизматическим воздействиям и сопутствующей им популистской демагогии — реальный феномен, отрицать который было бы неверно. Однако причины такой предрасположенности, как и факторы, ей противостоящие, без труда можно найти в истории любой страны. Действительная проблема состоит в том, почему при определенных обстоятельствах начинают работать те или иные механизмы и почему историческое прошлое действует либо в одном, либо в другом направлении. Весьма показательна в этом смысле послевоенная эволюция Германии. Если раньше, анализируя ее прошлое, находили в нем все то, что явилось, в конечном счете, причиной податливости немцев фашизму, то теперь, позитивно оценивая демократический характер нынешних институтов ФРГ, обращаются к тому же прошлому, но уже с противоположной целью.

Очевидно, что возникновение, распространение и утверждение у власти фашизма возможно лишь в соответствующей социально-психологической, идейно-политической ситуации и что сила сопротивления ему может быть связана с исторически обусловленными национальными традициями. Однако, практически работая с гипотезой, рассматривающей фашизм как клиническое общественное явление и исторически жестко детерминирующей его, можно получить не столько ответы, сколько все новые вопросы.

Гипотеза, отрицающая родовое понятие фашизма и рассматривающая его частные проявления как отдельные явления, не связанные друг с другом. Фашистские партии и установленные ими режимы обладали большим национальным своеобразием. Германский национал-социализм отличался от итальянского фашизма. Оба они не были похожи на испанский фалангизм, на фашистские и фашизоидные партии и движения в межвоенной Восточной Европе, в Скандинавии, в Латинской Америке. Это дало основание ряду исследователей предложить гипотезу, в соответствии с которой фашизм как общий феномен представляет собой всего лишь пропагандистский фантом. В действительности же, согласно этой гипотезе, в разных странах в определенное время возникали партии, движения и режимы, имевшие мало

общего между собой, но объединенные враждебным отношением к Советскому Союзу и, в целом, к коммунизму, политически сблизившиеся вследствие конъюнктурного совпадения интересов.

На этой гипотезе основаны многие профессионально выполненные исследования истории отдельных фашистских режимов, а также партий и движений фашистского типа, не сумевших осуществить свои цели. Ее уязвимость в том, что она не только не дает ответа на ряд жизненно важных вопросов, но демонстративно уходит от них. Почему именно в 20-е — 30-е годы в Европе и затем за ее пределами сформировались, укрепились, а в ряде стран и пришли к власти праворадикалистские движения, не только прибегавшие к одинаковым формам борьбы против демократических институтов власти, к организации в этих целях массовых движений, но и отстаивавшие при этом сходные ценностные системы? Почему демократические институты проявили полную беспомощность в противостоянии данным силам? Почему, несмотря на тотальное военное поражение держав фашистской “оси” во второй мировой войне и последовавшую за этим глубокую дискредитацию фашизма как идеологии и практики, он не только дожил до последнего десятилетия XX века, но и во многом сохранил свои потенции? А ведь без ответа на эти вопросы невозможно ни определить глубинные причины, вызвавшие фашизм к жизни, ни осмыслить опыт противостояния фашизму, накопленный в прошлом, а значит — сформулировать меры, которые могут быть предприняты сейчас для предотвращения новой фашистской угрозы.

Видимо, необходим другой подход, который бы, не игнорируя различия между партиями, движениями и режимами праворадикалистского толка, относимыми обычно к фашистским, сумел бы определить, вычленил и оценить объединяющие их родовые черты, а следовательно, установить и порождающие их общие причины.

Гипотеза, уподобляющая фашизм — тоталитаризму, как бы растворяющая первый во втором. В ее основе лежит представление, согласно которому фашизм не обладает какими-либо существенными чертами, которые бы отличали его от других тоталитарных партий, движений и режимов, не считающих себя фашистскими и даже отвергающих фашизм. В качестве признаков, позволяющих отнести соответствующие движения и режимы к числу тоталитарных, обычно называются: стремление к установлению жесткой, иерархически структурированной власти, проповедь беспрекословного подчинения авторитету вождя, оправдание применения крайних мер принуждения для обеспечения в стране стабильности и порядка, введение однопартийной системы, ставка на абсолютный этатизм и идеологическую монополию.

Родилась эта гипотеза в либерально-демократических кругах западных стран, в условиях острого противостояния традиционных демократически-парламентских институтов, с одной стороны, и их радикальных противников как справа, так и слева — с другой. При этом решалась не только научная, но и политическая задача: выведя за скобки различия между левыми и правыми оппонентами, мультиплицировать тем самым накопившееся негативное отношение общественности к экстремизму как таковому.

Во имя этой цели игнорировались такие существенные различия, как принципиальная несовместимость ценностных систем и противоположность целевых установок. Оставлялось лишь сходство политического инструментария, методов достижения цели. И хотя, как известно, методы нередко трансформируют цели (что весьма красноречиво подтвердила недавняя отечественная история), уподобление цели методам вряд ли может считаться приемлемым способом анализа.

Чрезмерная политизированность гипотезы, уподобляющей фашизм тоталитаризму, не могла не отомстить за себя в научном плане. При работе с понятием тоталитаризм выявилась объективная обусловленность двойственной его трактовки. В одних случаях тоталитаризм воспринимался исключительно как тип политического режима. Но режимы тоталитарного, диктаторского типа существовали на протяжении всей истории человечества. При уподоблении фашизма тоталитаризму возникла необходимость признать, что он существовал испокон века. И действительно, наиболее последовательные сторонники такого уподобления стали находить фашизм в Древнем Египте, в Вавилонском и Ассирийском царствах, в императорском Риме, в восточных деспотиях и т.д. Возможность выявить специфику фашизма как особого

социально-политического, идеологического феномена сводилась при таком подходе к нулю. В других случаях тоталитаризм трактовался как неоправданное расширение меры вмешательства государства в деятельность общественных институтов, объединений и лично граждан. Чем выше степень такого вмешательства, тем более тоталитарной является система. Характер режима, специфика его политической системы, организация органов власти имеют при этом подчиненное значение.

При уподоблении фашизма тоталитаризму подобный подход приводил к иным, но столь же странным результатам. Наиболее эгалитаристско ориентированные фашистские государства легко увязывались в один клубок со странами государственного социализма. Однако сюда же причислялись многие страны с демократически-парламентским режимом, но с высоким уровнем государственного контроля за экономической и значительным сектором общественного производства (у одних в этом качестве фигурировала Франция, у других — Англия, у третьих — даже Соединенные Штаты, не говоря уже о Скандинавии). В свою очередь, от сонма тоталитарных, а следовательно фашистских, “отлучались” режимы Салазара в Португалии, Франко — в Испании, многочисленные латиноамериканские и иные праворадикалистские диктатуры. Все это, естественно, резко снижало содержательный смысл такого рода подхода.

В число рассматриваемых гипотез, естественно, не включены те из них, которые предлагаются самими сторонниками фашизма. И это не потому, что они не заслуживают научного внимания, а по совсем другой причине. Они представляют интерес не столько как способ изучения феномена, сколько как его составная часть, форма оправдания существования. И в этом качестве будут рассмотрены ниже.

Авторская гипотеза. Многолетний опыт изучения фашизма (как в его исторических, так и в современных формах) побудил автора предложить иную гипотезу, которая, не отрицая все другие, позволила бы более адекватно выявить глубинные основы фашистского феномена. Элементы этой гипотезы в различной форме использовались и ранее, однако, как представляется, не были слиты в единую систему.

Согласно предлагаемой гипотезе, фашизм представляет собой иррациональную, неадекватную реакцию общества XX века на острые кризисные процессы, разрушающие устоявшиеся экономические, социальные, политические и идеологические структуры. Особенность этой реакции обусловлена в решающей степени тем, что она как бы погружена в раствор традиционных правоконсервативных ценностей. Иными словами, фашизм — это правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, с социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив все то, что воспринимается им как препоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия.

1. Фашизм — это феномен XX века. Он порожден его проблемами и противоречиями. Искать фашизм в прошлом — бессмысленно. В какой мере он сохранит значение в будущем веке, судить пока трудно.

2. Фашизм, как партия, движение и режим, является детищем острых кризисов, сотрясающих общество. Чем глубже и всеобъемлюще кризис, тем питательней почва для фашизма. Снять его угрозу можно окончательно лишь в том случае, если кризисное развитие найдет адекватное, позитивное разрешение.

3. Фашизм отличается от обычных, традиционных диктатур тем, что черпает свои силы в массовом движении протеста. Отсюда — огромная роль фашистских организационных структур, способных направить недовольство граждан, стимулированное кризисным развитием, в желательном направлении. Массовое движение обычно нуждается в идеологии, способной доступно сформулировать цели и способы их достижения, а также создать образ врага, низвержение которого откроет путь к успеху. Такая идеология может основываться на любой системе ценностей. Однако правоконсервативная ценностная система в этом отношении более эффективна, поскольку апеллирует к страстям, врожденным инстинктам, низменным чувствам человека. Поэтому в особо кризисных условиях она обладает преимущественными шансами.

Связь между фашизмом и кризисом общества имеет свои особенности. Плодотворную почву для фашизма создает не любой кризис. Краткосрочные, конъюнктур-

ные сбои в функционировании экономических и политических институтов обычно преодолеваются без того, чтобы содействовать взлету фашистских движений. Для него необходимо, чтобы кризис продолжался долго, чтобы он не просто затронул, но в значительной мере потряс социальную структуру общества, его моральные устои, серьезно нарушил ход экономических процессов, привел к дискредитации представительных и исполнительных институтов власти, скомпрометировал другие, нефашистские политические силы, вызвал всеобщее разочарование в доминировавших до тех пор идеологических постулатах.

Особого разбора заслуживают те ценности, которые заимствует фашизм у консерватизма традиционалистского толка.

Первая — высокомерно негативное отношение к человеческой личности как существу, подверженному всяческим порокам, “сосуду греха”, нуждающемуся для нормального существования в постоянной узде и твердой направляющей руке.

Вторая — негативное восприятие разума как неправомерного проявления человеческой гордыни, весьма несовершенного инструмента познания мира, источника заблуждений и разочарований. Чрезмерное упование на разум (“прометеев синдром”) провозглашается главным источником бедствий, от которых страдает как личность, так и человечество в целом.

Третья — оценка нации как определяющего, неизменного, внутренне непротиворечивого элемента истории человечества, единственного судьбоносного фактора. Согласно этой трактовке, все стороны общественного развития в решающей степени детерминируются взаимоотношениями между нациями, их подъемом или упадком, способностью сохранять, наращивать или растрчивать свой жизненный потенциал. Соответственно, любая попытка рассматривать мировую историю в качестве сложной системы взаимодействий и взаимовлияний, отнюдь не сводящейся к межнациональным отношениям, а нацию — в качестве исторически обусловленной, изменчивой системы, внутри которой развиваются и разрешаются многочисленные противоречия, предается анафеме как диктуемая дурными побуждениями.

Каждая из названных выше ценностей не являлась сама по себе фашистской. Не является фашистской и их простая совокупность. Вполне возможны движения и идеологические системы, принимающие эти ценности, но вовсе не фашистские и даже занимающие антифашистские позиции. Вместе с тем не существовало (и вряд ли возможно) настоящее фашистское движение, которое бы не принимало этих ценностей, не руководствовалось ими. Именно на них и строилась вся идеологически-пропагандистская концепция, на которой зиждется (и зиждется поныне) фашистская политика.

Пренебрежительное отношение к личности, трактовка человека как “сосуда зла” стали обоснованием системы жесткого контроля над обществом со стороны той его части, которая, по мнению фашистских теоретиков, сумеет, благодаря биологической наследственности и самоусовершенствованию, подняться над обычным человеческим уровнем (концепция “сверхчеловека” и “аристократии духа”). Необходимость контроля над обществом выступает как обоснование неизбежного создания институтов, способных контролировать личность, вести ее в правильном направлении. Чтобы деятельность этих институтов была эффективной, требуется координация, которая может быть осуществлена лишь единой волей. Отсюда — естественная потребность в вожде, реализующем эту волю. Ее ослабление в результате импульсов, поступающих снизу и отражающих эгоизм и греховность простого люда или же порожденных конкуренцией демократических контрольных институтов, неизбежно ведет к анархии и беззаконию, а следовательно, к распаду общества. Это делает оправданными крайние меры насилия, в том числе и превентивные, реагирующие не только на действия, но и на намерения. Отрицание этого, апелляция к народовластию, законам, правам человека — либо выражение бессилия власти, либо сознательная попытка спровоцировать катастрофу.

Важная функциональная роль отводится в фашистской системе взглядов негативному отношению к “прометееву синдрому”. Фашистская мифология находится, как правило, в острейшей конфронтации с рациональной основой опыта, накопленного человечеством на протяжении многовековой истории, а следовательно, его культуры, понимаемой в широком смысле слова. Поддержка фашистских взглядов

некоторыми видными интеллектуалами (Г.Д'Аннунцио, В.Парето, К.Гамсун и др.) — исключение, которое лишь подтверждает правило. Изгнание разума, его замещение гиперболизированным иррационализмом символизирует пусть мнимую, но тем не менее ощутимую, практически значимую победу фашизма. Не меньшее значение имеет и то, что мобилизация масс, представляющая собой не только особенность, но и источник влияния и силы фашизма, может быть осуществлена лишь в том случае, если будет основываться на прочной вере. Рациональная база для нее обычно не годится. Отсюда — потребность в иррациональном начале.

Провозглашение нации основной ячейкой и движущей силой общественного устройства в рамках мировой истории обеспечивает фашизму решение двоякой задачи. С одной стороны, идеологическая система приобретает целеполагание. Смысл мобилизационных усилий вроде бы не сводится к решению чисто прагматических задач, к простой борьбе человека за выживание. Они наполняются общественным идеалом — борьбой за спасение, укрепление, расширение влияния своей нации, выступающей в роли носителя позитивного начала, способного осчастливить человечество (национал-социалистический лозунг: “Немецкий дух — весь мир оздоровит”). С другой стороны, приобретал реальные формы необходимый для существования фашизма конкретный враг, на счет которого можно было бы отнести все провалы, неудачи, беды: другая нация — злоумышленник, носитель всех мыслимых и немыслимых отрицательных черт, изверг, питающий зловещие планы. Такой враг полезен для внутренней политики, ибо открывает возможность канализировать недовольство (национальное меньшинство, ведущее подрывную политику). Он не менее важен и во внешней политике — для объяснения причин неудач в международных делах, оправдания агрессивного курса, развязывания военных конфликтов и т.п.

Является ли этатизм неотъемлемой чертой фашистской идеологии и как он соотносится с традиционными консервативными ценностями? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Сами по себе этатизм и связанный с ним социальный патернализм не чужды традиционному консерватизму. Ставка на жесткое регламентирование общественной жизни как бы предполагает широкомасштабное вмешательство государства в экономическую жизнь и заботу о социально ущемленных гражданах. В некоторых странах классического фашизма (прежде всего в нацистской Германии) этатистская направленность, дополненная патернализмом, прослеживалась очень четко. Однако применительно к другим странам об этатистских склонностях можно было говорить лишь условно. Фашистские партии и движения последующего периода, особенно современные, все более явно дистанцируются от этатистских установок. Если судить по их сегодняшним документам, то их в первую очередь интересует контроль не столько за экономикой, сколько за общественно-политическими и информационными структурами и идеологическо-публицистическими процессами. Может ли быть неэтатистский фашизм, покажет лишь практика (чего, разумеется, никак бы не хотелось).

Сказанное позволяет представить себе обобщенную самохарактеристику фашизма, отражающую его идеологические и практически-политические установки. Его цель — возрождение и оздоровление в своей стране “титульной” нации, рассматриваемой как этническо-биологическое единство, укоренение в ней изначальных, исконных ценностей, придание ей единственно эффективной формы общественной организации, основанной на приоритете государственных интересов и на жестко структурированной системе управления, замыкающейся на личности единоличного вождя, исключение любых чужеродных (а следовательно, подрывных, болезнетворных) влияний и решение на этой основе всех кризисных проблем, от которых страдает народная общность. Методы фашизма — организация массового движения, его оплодотворение национальным духом, разрушение существующих властных структур, унификация общественной жизни, подавление любых форм противодействия с применением, в случае необходимости, самых крайних средств. Его враги внутри страны — национальные меньшинства, прежде всего иммигранты, левые (от коммунистов до социал-демократов) и другие политические партии, отстаивающие принципы демократии и правового государства, вовне — те страны, которые на данном этапе выступают как источник тлетворного влияния, интриг и угрозы безопасности нации.

Какое отношение имеет все изложенное выше к России? Возможен ли вообще российский фашизм? А если "да", то в каких формах он может проявиться и какова вероятность его прихода к власти? Принято считать, что наше общество обладает устойчивым иммунитетом к фашизму. Для этой позиции есть достаточно оснований. Последняя крупномасштабная война, которую вел Советский Союз, а следовательно — Россия, была, прежде всего, войной с фашистским "Третьим Рейхом". Именно фашистский (нацистский) режим организовал нападение на нашу страну, придав войне особо разрушительные, варварские формы, осуществлял, в духе своих идейных установок, массовое уничтожение населения на оккупированных территориях. Неисчислимы потери, понесенные Россией в схватке с немецким фашизмом, инициированные им зверства вызвали в нашем обществе стойкую отрицательную, отторгающую реакцию на все то, что было (или могло быть) связано с фашизмом, в том числе на само слово и связанную с ним символику.

Но иммунитет (особенно социопсихологический) не бывает абсолютным. Всегда существуют элементы системы, в которых иммунитет ослаблен, либо отсутствует вовсе. Разрушающе действует на иммунитет и фактор времени, особенно если возникают дополнительные обстоятельства, действующие против иммунитета. Судя по ряду признаков, сейчас этот иммунитет ослаб, хотя все еще достаточно прочен, чтобы создавать преграды на пути фашистской угрозы.

Первые сигналы, говорящие о том, что в антифашистском иммунитете появились прорехи, прозвучали в 70-е годы. В начале 80-х годов появления праворадикальных групп фашизоидного типа нельзя было уже не заметить. В зависимости от происхождения их можно было подразделить на три типа.

Первый образовали спонтанно возникавшие фрондирующие молодежные тусовки. У их участников обращение к фашистским идеям имело скорее игровой характер, было формой эпатажа власти, предержащих, выражением неудовлетворенности существующими порядками и официальной идеологией. В дальнейшем активность тусовок такого рода спала. Однако кое-где ядовитые семена дали всходы. Некоторые из участников этих сходок вошли в фашистские организации, возникшие на следующем этапе.

Второй сложился несколько позже — в рамках неформального движения протеста. Решительное неприятие существовавшего режима, господства КПСС и коммунистической идеологии толкнуло некоторых участников этого движения в сторону негативизма крайне шовинистического толка и чисто реваншистской политической ориентации. Среди них вскоре произошла дифференциация: одна часть эволюционировала в монархическом и умеренно традиционалистском направлениях, а другая — в сторону "исторического" фашизма.

Третий тип сформировался на базе выходцев из радикально-националистического крыла КПСС и ВЛКСМ. Фашизоидные симпатии этих кругов были известны общественности с начала 70-х годов. Благодаря связям и материальным средствам, находившимся в ее распоряжении, эта группа сравнительно быстро заняла заметные позиции в праворадикальном движении. Существует версия, что некоторые ее представители имели связи с официальными силовыми структурами и спецслужбами или даже были инспирированы ими. Убедительно опровергнута она до сих пор не была.

Профашистское движение нуждалось в собственной идеологии. Но решить эту задачу было не просто: не имелось ни сколько-нибудь серьезных домашних заготовок, ни соответствующего интеллектуального потенциала. Пришлось обратиться к наиболее доступной — немецкой фашистской литературе ("Майн Кампф" Гитлера, "Мифы XX века" Розенберга), к расхожим антисемитским изданиям, распространявшимся германскими властями в русском переводе на оккупированных территориях СССР. Из нацистских книг списывали целыми страницами.

Однако в условиях непреодоленного антифашистского иммунитета общества тесная привязка к немецкому образцу была с политической точки зрения невыгодна. Отсюда — поиск почвенных праворадикалистских традиций. В поле зрения оказались два политических и идеологических течения.

Первое — фашистские организации, возникшие в 30-е годы в послеоктябрьской российской эмигрантской среде. Но они были дискредитированы своими связями с официальными японскими и германскими кругами. Поэтому на щит было поднято

второе течение — черносотенное движение начала века, игравшее заметную роль в политической истории России (“революционеры наоборот”). Однако черносотенное движение не являлось, по сути, ни фашистским, ни профашистским. Оно имело традиционалистско-консервативный характер и как таковое было монополизировано другими правыми силами. Поэтому черносотенное наследие российские профашисты унаследовали выборочно, заимствовав у него, главным образом, нутряную ненависть к “умничающим” интеллигентам (“масонам”) и евреям. Именно эту сторону черносотенства можно было с полным основанием отнести к “родным”, исконным явлениям. Главные теоретики антисемитизма XX в. впервые развернули свою деятельность не в Германии, а в России. Именно у них — у Дубровина, Крушевана, Пуришкевича — учились немецкие идеологи фашизма.

Хотя антисемитизм распространился в нынешней России за пределы праворадикалистского движения, именно в нем он приобрел экстремальные формы, позволяющие использовать их в качестве индикатора первичного определения фашистской идентичности.

Поиски адекватной идеологии привели к образованию в профашистском лагере двух главных направлений: “западнического” и “почвенного”. Первое подчеркивает свою принадлежность международному фашизму, принимает его постулаты и внешнюю атрибутику, участвует в зарубежных встречах, в деятельности международных объединений западноевропейских неофашистов. Второе, более влиятельное, ориентируется на домашние условия, избегает названия фашизм, делает упор на идею самобытного развития России. Тем не менее оба направления связаны общностью содержания фашистской программатики.

При всей активности таких организаций они до сих пор остаются маргинальными, не оказывая сколько-нибудь существенного влияния на процессы, происходящие в обществе. А это, в свою очередь, порождает стремление к капсулизации, замыканию в своей привычной среде. Вопреки распространенным алармистским сообщениям, социологические опросы убедительно свидетельствуют о неукорененности откровенно фашистских организаций и движений в нынешнем российском обществе.

Означает ли это, что разговоры об актуальности фашистской угрозы не имеют под собой почвы и что она сознательно раздувается в политических целях?

То, что вокруг проблемы фашизма ведутся спекулятивные игры, не вызывает сомнений. Но сама проблема тем не менее существует. И она гораздо серьезнее и глубже, чем может представляться, если держать в поле зрения лишь маскарадные ужимки, на которых обычно концентрируют внимание публики.

Естественно, что при оценке текущей ситуации в России и степени фашистской опасности возникает искушение моделировать событийный ряд, ориентируясь исключительно на реалии исторического прошлого, прежде всего на межвоенную германскую историю. Но это ошибочный подход. Во-первых, фашизм в России, если ему удастся здесь пустить корни, не будет походить на германский, итальянский и прочие иноземные варианты. В своих основных чертах он будет российским со всеми вытекающими последствиями. Во-вторых, он будет современным. Следовательно, тревогу и внимание должны вызывать не те группы правых радикалов, которые, подражая прошлому, играют в черных и коричневых солдатиков, а те, которые умеют находить новые формы воплощения фашистско-тоталитарной традиции, реально ощущают острые проблемы, вставшие перед обществом, ловко используют их в своих целях.

А возможности для этого сейчас весьма благоприятны. Налицо немало признаков, которые приводили в других странах к порогу фашистского переворота.

Перечислим эти признаки:

— слом сложившихся социальных структур. Десоциализация, маргинализация массовых групп населения;

— углубляющийся экономический и социальный кризис, ощущаемый подавляющим большинством населения как нарастающее ухудшение условий его существования;

— ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов. Отчуждение населения от политических и административных структур. Падение исполни-

тельской дисциплины. Массовое неконвенциональное поведение граждан. Рост пьянства, наркомании, преступности;

— распад прежней системы ценностей. Идеино-ценностная дезориентация. Нарастание чувства ущемленного национального достоинства, становящегося фактором массового сознания. “Привыкание” общества к праворадикалистским постулатам и лозунгам, к насилию.

Названные показатели глубокого разлома российского общества неоднократно измерялись и интерпретировались исследователями. Не раз отмечалась возможность — некоторые говорят даже о полезности — установления авторитарного режима “на переходный период”. Но думал ли всерьез кто-нибудь из тех, кто отстаивает эту точку зрения, к чему может привести, в конечном счете, поворот к авторитаризму?

Какие варианты развития можно представить себе в этих условиях?

Вариант первый (оптимальный, но маловероятный). Властным структурам удастся овладеть положением и, сохранив демократические институты, с их помощью вывести страну в более спокойные воды. Таким способом решил в 30-е годы кризисную ситуацию в США Франклин Рузвельт.

Вариант второй. Правящая элита попытается выйти из кризиса путем дальнейшего демонтажа демократических институтов. На этом пути будет трудно остановиться. Он ведет к откровенному авторитаризму и открывает возможность тоталитарного перерождения режима.

Вариант третий. Нарастающий накал социального и политического напряжения в стране будет использован правоэкстремистскими силами. Выдвинув харизматического лидера, они придут к власти под лозунгом национального спасения. Режим, который воцарится, не обязательно станет фашистским. Однако демократическое развитие страны будет приостановлено.

Вариант четвертый. На волне социального и политического недовольства возникнет новое правоэкстремистское движение, в состав которого войдут популярные военные деятели. Обществу будет навязана фашистская программатика. Вряд ли этот режим будет именоваться фашистским. Но дело ведь не в названии.

Несколько лет тому назад представлялось, что последние два варианта в России непроходимы. Сегодня, особенно в свете событий в Чечне, уверенность в этом ослабевает.

Из ситуации каждый делает выводы применительно к своей сфере деятельности: политики — свои, ученые — свои. Для автора, занимающегося научными исследованиями, естественно завершить размышления указанием на особую актуальность изучения тенденций развития российского общества, способствующих возникновению и подъему правого радикализма.

Основные направления исследований в этой области могли бы быть сформулированы следующим образом:

— выявление глубины кризисных процессов в различных сферах общественной жизни, их влияния на сознание разных групп населения;

— определение сдвигов в структуре массового сознания, удельного веса в них опорных элементов праворадикалистских установок и соответствующего им политического поведения;

— изучение политических организаций и движений, в рамках которых возможна реализация массовых настроений такого рода;

— инвентаризация социальных, политических, идеологических и юридических форм противодействия правому радикализму.

Наука в силах помочь обществу осознать характер нависшей над ним угрозы, выявить ее масштабы, рекомендовать меры, способные сдержать натиск сил, несущих такую угрозу. Это, разумеется, не исключает понимания того, что окончательно перекрывать дорогу праворадикалистским тенденциям можно, лишь преодолев нынешний системный кризис, не допустив, чтобы социальная напряженность превысила пределы, за которыми начинается разрыв ткани общественной жизнедеятельности.